

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Б. Н. Флоря

ДВА ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

(на материале, относящемся к истории Польши XIV в. и Русского государства XV–XVI в.)

Период развитого и позднего Средневековья — время политического объединения целого ряда разделенных на отдельные земли (княжества) европейских стран. С их объединением в одном политическом организме перед государственной властью возникала важная задача формирования общегосударственной политической элиты, ориентированной в своей деятельности на интересы государства в целом. Изучение свидетельств источников, относящихся к истории Польского королевства и Русского государства в эпоху, непосредственно следовавшую за объединением, позволяет говорить о двух разных путях решения проблемы.

Польское королевство сформировалось в начале XIV в. за счет объединения ряда княжеств, в которых ранее правили члены рода Пястов, под властью одного правителя — Владислава Локетка. В каждом из этих княжеств-земель существовали административные и судебные должности со своим иерархическим порядком. Должности эти по традиции занимали в каждом из таких княжеств-земель представители местной элиты. Изучение документов середины — второй половины XIV в. показало, что во всех этих землях с некоторыми небольшими изменениями все эти должности и иерархия отношений между ними сохранились¹. Изучение биографий десятков людей, занимавших эти должности на протяжении XIV в., показало, что за редким исключением на эти должности назначались местные землевладельцы, дети и внуки тех, кто был воеводами, каштелянами, судьями в той или иной земле еще до их объединения в едином государстве. Движение по иерархической лестнице проходило также в рамках земли. Свои должности люди занимали длительные сроки и покидали их, главным образом, чтобы занять должности более высокие². Нормы, установившиеся в ходе длительной практики, были узаконены Кошицким привилеем 1374 г., по которому король Людовик Венгерский обязался давать должности в отдельных землях только местным землевладельцам и предоставлять их пожизненно (*usque vitam*)³.

Все эти нормы не затрагивали главного поста земли — поста королевского наместника — старосты, представлявшего здесь особу монарха. Староста был в земле главой административной и судебной власти, командовал войском в случае войны, управлял расположенными на территории

¹ Kaczmarczyk Z. *Monarchia Kazimierza Wielkiego*. Poznań, 1939. Т. I. Organizacja państwa. S. 98 i n.

² Там же. Т. 1. S. 105–109.

³ *Kodex dyplomatyczny Wielkopolski*. Poznań, 1879. Т. III (1350–1399 г.). № 1709.

земли королевскими именьями. По отношению к старостам — новому институту власти — правитель не был связан нормами обычая. Он мог сделать старостой любое лицо, пользующееся его доверием, и отозвать этого человека, когда сочтет это нужным⁴. Характерно, однако, что социальная элита отдельных земель добивалась, чтобы и пост старосты занимал представитель местной верхушки. Так, в документе 1351 г., оформлявшем присоединение к Польскому королевству Плоцкой земли (часть Мазовии), содержалось обязательство короля Казимира не назначать старостой в этой земле не местного уроженца⁵.

В одной из главных польских земель — Великой Польше — пост старосты в первой половине XIV в. явно был предметом борьбы между королевской властью и местной верхушкой. Когда положение королевской власти было прочным, на посту старосты появлялись доверенные лица короля, когда же возникали осложнения в отношениях с соседями и власть нуждалась в поддержке местной знати и рыцарства, на посту старосты появлялся представитель местной знати⁶. Когда в 1352 г. король, устранив местных землевладельцев, поставил старостой выходца из Силезии Стефана Вежбенту, это вызвало проявления недовольства⁷, но на этот раз король настоял на своем, и Вежбента оставался старостой до 1368 г.⁸

Как сильно стремилась местная верхушка утвердить свой контроль над постом старосты, показывают события, происходившие в начале 70-х годов XIV в. В конце правления Казимира старостой великопольским был представитель местной верхушки Пжецлав из Гултова. После смерти короля Казимира новый правитель сместил его с должности, а новым старостой был назначен в 1371 г. малопольянин Отто из Пилчи. По свидетельству хрониста Янка из Чарнкова, находившиеся в Кракове великополяне протестовали против его назначения. Отто все же вступил в должность, но, так как местная верхушка не оказывала ему поддержки, в 1372 г. был вынужден от нее отказаться⁹.

Следует отметить и весьма ограниченный круг известий, которые свидетельствовали бы о совместных действиях местной верхушки отдельных земель. В 30-е годы XIV в., когда был предпринят ряд важных шагов по урегулированию отношений Польши с соседями, в переговорах с Бранденбургом участвовали представители великопольской, а в переговорах с Чехией и Венгрией — малопольской знати¹⁰. Хорошо известно, что в XIV в. своды законов создавались для отдельных польских земель и существовали лишь некоторые установления общегосударственного значения. Следует отметить и отсутствие в Польше XIV в. такого постоянного форума, где могла бы собираться для принятия решений политическая элита разных земель. Время от времени король созывал съезды, в которых участвовала знать из разных земель. В качестве примера можно указать съезд в Сулейове в 1350 г., в котором участвовали сановники Малой и Великой Польши, Серадзской, Ленчицкой и других земель (устанавливается по спискам свидетелей на составленных в то время королевских грамотах), но такие съезды были явлением редким¹¹.

Все это позволяет сделать вывод, что польская политическая элита к концу XIV в. представляла собой в очень значительной степени объединение политических элит отдельных земель, тесно связанных с этими землями. Конечно, в Польше второй половины XIV в. уже существовали органы центрального управления, деятельность которых распространялась на всю территорию страны. Из них наиболее важными были королевская канцелярия и казначейство во главе с подскарбием. При назначении людей

⁴ Kaczmarczyk Z. Monarchia Kazimierza Wielkiego. T. 1. S. 113–127.

⁵ Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza. Cz. II. Dokumenty z lat 1248–1355. Wrocław etc., 1989. № 314. S. 328.

⁶ Pakulski J. Siły polityczno-społeczne w Wielkopolsce w pierwszej połowie XIV wieku. Toruń, 1979. S. 70, 78–79, 95.

⁷ Lojko J. Konfederacja Macieja Borkowica // Roczniki historyczne. T. 43. Poznań, 1977. S. 33–34.

⁸ Kaczmarczyk Z. Monarchia Kazimierza Wielkiego. T. 1. S. 118.

⁹ Monumenta Poloniae Historicae. T. II. Lwów, 1872. S. 645.

¹⁰ Pakulski J. Siły polityczno-społeczne w Wielkopolsce w pierwszej połowie XIV wieku. S. 127–128.

¹¹ Kaczmarczyk Z. Monarchia Kazimierza Wielkiego. T. 1. S. 149–150.

в эти органы король не был связан какими-либо нормами¹², и людей, занятых в них, можно было бы без каких-либо оговорок назвать представителями общегосударственной политической элиты¹³. Однако следует отметить, что они составляли лишь небольшую часть польской политической элиты, а сотрудниками королевской канцелярии были в то время исключительно духовные лица.

Рассматривая данные, которые говорят о присоединении к Русскому государству Тверской земли в 80–90-х годах XV в., можно отметить в политике Ивана III целый ряд моментов, сближающих ее с политикой польских правителей. Тверская земля сохранила свое политическое единство, являясь в течение ряда лет своеобразным «уделом» наследника престола¹⁴. Сохранились тверские «чины» бояр и окольных и «тверской двор», как объединение местных землевладельцев, обладавших правом занимать административно-судебные должности на территории Тверской земли. В их руках и находилось управление городами на рубеже XV–XVI в. В законодательстве середины XVI в. сохранились упоминания об «уложении» Ивана III, по которому сделки с землей в Тверской земле должны были совершаться только в кругу местных землевладельцев¹⁵.

На рубеже XV–XVI в. был создан особый орган управления Тверской землей — «Тверской дворец». В положении главы этого учреждения было много общего с положением королевского старосты. В его ведении находились дворцовые земли, по его приказу выдавались жалованные грамоты, для населения суд дворецкого был судом высшей апелляционной инстанции. Как и старосты, дворецкие не принадлежали к числу местных землевладельцев, а были представителями близких великому князю старомосковских боярских фамилий¹⁶. При этом в одном отношении дворецкий существенно отличался от старосты. Если староста находился на территории земли, которой он управлял, то тверские дворецкие свой суд вершили в Москве¹⁷.

Вместе с тем после создания Тверского дворца в начале XVI в. в Москве был предпринят важный шаг, не имеющий аналогий в политике польских правителей. По завещанию Ивана III Тверская земля в 1504 г. была разделена между его четырьмя сыновьями: Василий получил Тверь, Клин и Городню, Юрий — Кашин, Дмитрий — Зубцов и Опоки, Андрей — Холм и Старицу¹⁸. Тем самым Тверская земля, как особое целое, со своими формами объединения местных землевладельцев, своей особой организацией управления прекратила свое существование. Тверской дворец продолжал существовать, сохранялся и «тверской двор», но только на той территории, которая перешла к Василию III. Такие перекраивания традиционных, исторически сложившихся земель польскими источниками ни XIV в., ни более позднего времени не зафиксированы.

Как известно, в Русском государстве второй половины XV — первой половины XVI в. судебно-административная власть находилась в руках наместников, сидевших в крупных административных центрах — городах, и волостелей, управлявших отдельными волостями, тянувшими к этим городам. Наместниками были обычно представители знати, а волостелями — дети боярские, принадлежавшие к более низкому слою политической элиты. Сводка данных о назначениях на эти должности (наиболее полная на сегодняшний день) приведена в книге Т. И. Пашковой¹⁹.

К сожалению, источники, дающие достаточно систематические сведения о наличии наместников в тех или иных городах (разрядные и посольские книги), содержат сведения о

¹² Казначеем короля Казимира был одно время выходец из Галицкой Руси.

¹³ См. о них подробнее: Kaszmarczyk Z. *Monarchia Kazimierza Wielkiego*. Т. 1. S. 137–140.

¹⁴ Флоря Б. Н. О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // *Общество и государство феодальной России*. Сб. статей, посвященный 70-летию Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 282–283.

¹⁵ Там же. С. 282–284.

¹⁶ Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. // *Исторические записки*. М., 1959. Т. 63. С. 185–186; Леонтьев А. С. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1962. С. 40–42.

¹⁷ Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. С. 128–129.

¹⁸ ДДГ. № 89. С. 357, 359, 360.

¹⁹ Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. М., 2000. С. 131–165 (наместники), 166–185 (волостели).

наместниках в городах на западных и южных окраинах государства, где, как известно, на рубеже XV–XVI в. происходили массовые перемещения местных землевладельцев во внутренние районы государства и где не было знатных лиц, которые могли бы претендовать на такие значительные должности. Что же касается назначений наместников в историческом центре, где социальная элита сохранила свои традиционные позиции, то сведения о них неполны и отрывочны. Все же и собранные Т. И. Пашковой данные дают основания для определенных выводов. В первые десятилетия XVI в. наместниками в таких крупных городах, как Новгород, Псков, Смоленск, были члены главных княжеских родов Северо-Восточной Руси²⁰. Очевидно, что, по крайней мере, в годы этого наместничества соответствующие князья не могли возглавлять управление теми землями, где находились их родовые владения. Судя по собранным в книге данным, в Новгороде в 1500–1530 г. сменились 32 наместника, в Пскове в 1510–1540 г. — 21 наместник, в Смоленске в 1540–1544 г. — 11 наместников. Очевидно, что в отличие от того, что мы наблюдаем в Польше, все эти важные должности предоставлялись на достаточно короткие сроки. Из сведений о назначении наместников в южные города следует выделить записи о назначении наместников в Рязань. Как показала С. И. Сметанина, присоединение Рязанской земли к Русскому государству не сопровождалось переменами в составе местных землевладельцев, и члены рязанских боярских родов и в середине XVI в. представляли собой социальную верхушку местного общества²¹. Однако в составленном Т. И. Пашковой списке наместников Рязани и так называемой «трети Рязанской» первой половины XVI в. нет ни одного представителя этой верхушки²². Ясно, что управление соответствующими территориями находилось в руках присланных из центра лиц. В связи с этим заслуживает внимания опубликованный В. Д. Назаровым фрагмент боярского списка 1547 г., содержащий сведения об административных назначениях членов Боярской думы²³. Ни один из них не был назначен наместником туда, где находились его родовые владения.

Чтобы получить более точный ответ о характере управления территориями в Русском государстве первой половины XVI в., следует обратиться к сведениям о том слое детей боярских, которые, в отличие от представителей знати, получали в управление не города, а более мелкие административные единицы — волости. Сохранился источник середины XVI в., так называемая Боярская книга 1555–1556 г., содержащая сведения о большом количестве административных назначений таких лиц на всей территории Русского государства. В своем исследовании «земской реформы» Н. Е. Носов осуществил локализацию объектов пожалований и собрал сведения о биографиях тех лиц, которым эти пожалования были сделаны²⁴. При этом Н. Е. Носов привлек к исследованию такие источники середины XVI в., как «Тысячная книга» и «Дворцовая тетрадь», содержащие достаточно точные сведения о том, в каком уезде находились главные владения того или иного сына боярского и к какому уездному объединению местных землевладельцев он принадлежал. Собранный Н. Е. Носовым материал позволяет дать определенный ответ на вопрос, существовала ли связь между принадлежностью человека к определенному объединению и полученной им административной должностью.

Обращение к собранному Н. Е. Носовым материалу показывает, что при распределении «кормлений» — должностей или источников доходов — имело значение различие между двумя главными частями государства, «Московской» и «Новгородской» землями. В каждой из них

²⁰ Там же. С. 146, 150, 153–154, 158–159.

²¹ Сметанина С. И. Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 49–80.

²² Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. С. 157–158.

²³ Назаров В. Д. О структуре «государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. Сб. статей, посвященный 70-летию Л. В. Черепнина. С. 52.

²⁴ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 421–526.

большая часть зафиксированных в Боярской книге «кормлений» была достоянием жителей данной земли. Однако имели место и отдельные отклонения от этого порядка. Так, наместник новгородского пригорода Ямы Г. М. Сукин был сыном боярским из Суздаля, а наместник псковского пригорода Вышгорода И. И. Заболоцкий был сыном боярским из Дмитрова²⁵. Здесь отсутствие связи между территорией, с которой связан человек, и объектом пожалования выступает со всей определенностью.

Боярская книга зафиксировала свыше 100 пожалований середины 50-х годов XVI в. на «кормления» на землях Северо-Восточной Руси. Рассмотрение этих данных показывает, что лишь в 9 случаях сын боярский получил «кормление» на территории своего уезда. Как правило, пожалования касались территории другого уезда, подчас отстоявшего достаточно далеко от местопребывания кормленщика. Так, Михаил и Василий Асановы Годуновы должны были отправляться из Костромы в Коломну, Иван Федорович Вороново-Волынский из Ржева — в Переяславль Залесский, Кикин А. Д. — в тот же Переяславль из Вязьмы²⁶. Есть основания сделать вывод, что в системе управления Русским государством в середине XVI в. правилом было отсутствие связи между местожительством человека и переданной ему в управление территорией.

Полученный вывод есть смысл проверить на материале других источников — грамот на «кормления», отложившихся в архивах дворянских фамилий и представленных в конце XVII в. как свидетельство «знатных служб» предков. Соответствующие сведения были собраны Т. А. Пашковой, осуществившей и локализацию объектов пожалований²⁷.

В качестве наиболее показательного примера можно рассмотреть сведения о грамотах, отложившихся в архивах рязанских боярских семей. Так, члены рода Апраксиных-Вердеревских получали в «кормление» волости во Владимирском, Вологодском, Московском, Рузском уездах. М. М. Денисьев получил в «кормление» волости в Бежецком Верхе, члены рода Кобяковых — волости в Костромском и Кашинском уездах, Коробьины — волости во Владимирском и Рузском уездах²⁸. Судя по упоминаниям в грамотах, предшественниками рязанских бояр на этих «кормлениях» были землевладельцы, связанные с совсем другими территориями. Стоит отметить и отсутствие среди сохранившихся грамот грамот на «кормления» на территории собственно Рязанской земли. Эта особенность, как представляется, говорит в пользу того, что отсутствие связи между местожительством человека и его «кормлением» было, вероятно, результатом целенаправленной государственной политики. Ряд таких документов относится еще к княжению Василия III, и это показывает, что система управления, нашедшая отражение в «Боярской книге», сложилась не в середине XVI в., а гораздо раньше.

Представляется очевидной роль такой системы управления в формировании общегосударственной элиты. Боярин или сын боярский получал в управление территории, с обществом которых он, как правило, никак не был связан, и при возникновении каких-то осложнений он мог рассчитывать лишь на поддержку власти, от которой он получил свою должность. В этих условиях ослаблялась связь представителя политической элиты с землей — территорией, с которой его объединяло происхождение, соседские и землевладельческие связи, и укреплялась его связь с общегосударственным институтом власти, источником получения должностей и связанных с ними доходов.

В этом же направлении действовала и политика раздачи земельных пожалований, важные проявления которой можно проследить на материале тверских писцовых книг середины XVI в. Обращение к тверской писцовой книге 1539/1540 г. показывает, что здесь уже ко времени описания существовали земельные владения-поместья целого ряда представителей элиты, не принадлежавших к кругу местных землевладельцев, полученные ими от государственной

²⁵ Там же. С. 489–490, 505–506.

²⁶ Там же. С. 429, 441, 443.

²⁷ Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. С. 161 и сл.

²⁸ Там же. С. 166 (№ 6–9), 168 (№ 32–33), 170 (№ 64), 174 (№ 110–111).

власти. Так, в волости Шейский уезд находились поместья костромича И. Б. Зачесломского и представителя известного московского рода И. Г. Очина-Плещеева²⁹. В волости Хорвач имели поместья двое князей Оболенских, окольничий А. А. Квашнин, трое князей Елецких³⁰. В волости Озера Спаские находилось поместье князей И. Ф. и П. Ф. Гагариных³¹. Количество таких людей заметно увеличилось после имевших место во время проведения описания раздач дворцовых земель. Появление на территории Тверского уезда землевладельцев, не связанных с местным обществом, обладавших здесь только полученными от государственной власти поместьями, меняло, разумеется, традиционный облик местного общества.

Заслуживает внимания тот факт, что уже в середине XVI в. некоторые из этих пришельцев сумели занять в этом обществе достаточно видное положение. Как известно, главный источник по истории русской политической элиты середины XVI в. «Дворовая тетрадь» содержит списки детей боярских — членов «государева двора», разделенных по уездам. Изучение ряда таких разделов привело исследователей к выводу, что порядок расположения людей в этих разделах соответствовал положению этих лиц, их месту на иерархической лестнице. В связи с этим привлекает к себе внимание список членов двора по Твери в «Дворовой тетради», разделенный на две части — «Тверь» и «Помещики тверские». В первой части списка сразу за именами знатных тверских семей Борисовых и Житовых помещены князья Андрей и Василий Ив. Елецкие, а вместе с ними Никита Дан. Годунов, мать которого получила в 1539/1540 г. поместье при раздаче дворцовых земель³², а список тверских помещиков открывается именами князей Посника и Петра Фед. Гагариных³³. Еще до составления «Дворовой тетради» вышел царский указ о наделении подмосковными поместьями 1000 лучших слуг из состава «двора». В число таких «лучших слуг» по Твери вместе с кн. Д. И. Микулинским и членами семьи Борисовых вошли князья Елецкие, Никита Годунов, князь Иван Фед. Гагарин³⁴. Думается, что такое видное положение в тверском обществе эти люди, владельцы сравнительно скромных поместий в Тверском уезде, могли занять лишь при поддержке государственной власти. Сравнение описания 1539–1540 г. с более поздним описанием 1551–1554 г. позволяет сделать еще одно наблюдение. Когда умирал кто-то из людей этого круга, их поместья не передавались местным тверичам. Так, поместье скончавшейся княгини Домны Татевой было передано князьям Ряполовским, а после смерти кн. Семена Елецкого его поместье перешло к князьям Гагариным³⁵.

Во время раздачи в 1539–1540 г. дворцовых земель был предпринят еще один важный шаг. Был сделан ряд крупных пожалований знатым вельможам. Так, из дворцовых земель было выделено огромное поместье (1301 ч.) князю П. И. Шуйскому³⁶. В это время умер князь В. А. Микулинский, член тверского княжеского рода и один из наиболее крупных землевладельцев Тверского уезда. Большие куски его вотчины были также отданы в поместья целому ряду знатных лиц. Так, кн. А. Б. Горбатову было выделено 1042 ч. земли, С. В. Морозову — 791 ч., кн. С. В. Ростовскому — 588 ч.³⁷ К 1550 г., после смерти другого члена тверского княжеского рода кн. И. И. Дорогобужского, кн. И. Ф. Мстиславский получил располагавшиеся в его вотчине — Кушалинской волости — села Бели, Кушалино, Погорелец³⁸. Это были очень крупные

²⁹ Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Сост. А. В. Антонов. М., 2005. С. 71–72, 74–75.

³⁰ Там же. С. 93–96, 103.

³¹ Там же. С. 59.

³² Тысячная книга 1550 г. Дворовая тетрадь пятидесятых годов XVI в. / Подг. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 195. О передаче поместья М. Годуновой с детьми см.: Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. С. 46.

³³ Тысячная книга 1550 г. Дворовая тетрадь пятидесятых годов XVI в. С. 197.

³⁴ Там же. С. 79–80.

³⁵ Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. С. 206, 248.

³⁶ Там же. С. 90–93.

³⁷ Там же. С. 132–136.

³⁸ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 160–161. О Кушалинской волости как «Дорогобужского отчине» см.: Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. С. 58.

владения³⁹, сразу сделавшие князя видной фигурой в кругу местных землевладельцев. Уже в Писцовой книге 50-х годов XVI в. фигурируют местные мелкие вотчинники — «слути» И. Ф. Мстиславского⁴⁰.

Так видные члены ростовского и суздальского княжеских родов, член московского боярского рода и сын выезжего Гедиминовича, близкий родственник царской семьи, стали крупными землевладельцами в Тверском крае, с которым они ранее никак не были связаны.

Пожалования эти имели, как представляется, два важных следствия. С одной стороны, они меняли облик местного общества, традиционно связанного только с интересами своей земли, с другой стороны, изменялся и кругозор новых землевладельцев, вступающих в разнообразные контакты с обществом, лежавшим за пределами их земли. И то и другое объективно содействовало образованию общегосударственной политической элиты.

Важным показателем развития этого процесса стало объединение политической элиты в рамках определенных общегосударственных институтов. На самом высоком уровне по отношению к верховному органу управления страной — Боярской думе — этот процесс был конкретно раскрыт в исследовании А. А. Зимина. С 90-х годов XV в. в состав думы стали входить ярославские князья⁴¹. В первом — начале второго десятилетия XVI в. в состав думы вошли ростовские и суздальские князья⁴². Таким образом, в состав высшего органа управления страной постепенно вошли представители знати, стоявшие во главе местного общества в целом ряде регионов страны.

На более низком уровне этот процесс проходил с образованием единого общерусского «двора» как организации, объединявшей в своих рядах верхний слой формирующегося дворянского сословия из разных земель, вошедших в состав единого Русского государства. О характере этого института к середине XVI в. дают представление такие источники, как «Тысячная книга» и «Дворовая тетрадь». Хотя, судя по наблюдениям А. П. Павлова, ни тот, ни другой источник не дают полного представления о точном численном составе «двора» в начале 50-х годов XVI в.⁴³, они позволяют сделать заключение, что «двор» этого времени был достаточно сложной организацией со своей иерархической лестницей, на вершине которой находилась Боярская дума, служилые князья и объединения князей — членов правящего рода Рюриковичей, связанные с разными регионами страны. Основную же массу рядовых членов «двора» составляли дети боярские, представлявшие собой верхний слой объединений дворян — землевладельцев своих уездов. В их среде, как отмечалось выше, также существовала своя иерархия. Для темы данного исследования важно, что, хотя тот или иной сын боярский был членом своей уездной организации, именно принадлежность к «двору», как целому, давала сыну боярскому право занимать те или иные военные и административные должности, связанные с получением тех или иных доходов. Сами же эти военные и административные поручения, как правило, не были связаны с уездом, с которым сына боярского связывало его происхождение и землевладение. Это и делало собранных в «дворе» бояр и детей боярских общерусской политической элитой. Правда, в середине XVI в. эта элита не была еще общерусской в полном смысле слова, так как дети боярские ряда территорий, расположенных на окраинах государства, в состав «двора» не входили, но важный шаг к созданию такой общерусской политической элиты был сделан.

Вопрос о причинах значительных различий между политикой государственной власти в Польском королевстве XIV в. и Русском государстве конца XV—XVI в. должен быть, как представляется, предметом специального комплексного исследования. В настоящее время можно высказать лишь некоторые предварительные соображения на этот счет.

³⁹ В 80-х годах XVI в. во время запустения в селе Кушалине и тянувших к нему деревнях было около 700 дворов (Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. С. 489—470), в селе Бели в то же время насчитывалось 280 дворов (Там же. С. 486).

⁴⁰ Там же. С. 309—310.

⁴¹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 285—286.

⁴² Там же. С. 288—289.

⁴³ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. С. 87 и сл.

По-видимому, обозначившиеся различия в политике государственной власти по отношению к политической элите общества следует связывать с различиями в уровне развития светского привилегированного землевладения и с разным характером его статуса. В Русском государстве конца XV — первой половины XVI в. большую часть земельного фонда еще составляли государственные — «черные» — земли, которые раздавались в «кормления» боярам и детям боярским как вознаграждение за службу. Это давало возможности государственной власти, манипулируя своим правом на раздачу «кормлений», воздействовать на политическую элиту и строить отношения с ней в желательном для государственной власти духе. В Польше XIV в., где большая часть земельного фонда находилась в руках светских и духовных землевладельцев и система «кормлений» с ростом привилегированного землевладения фактически распалась, государственная власть таких возможностей в своем распоряжении не имела.

Еще более существенным было различие в статусе. Уже в польских княжествах до объединения польских земель в единое государство земельные владения светских собственников в общем порядке были освобождены от подавляющего большинства налогов и повинностей в пользу государства, и такое освобождение рассматривалось как неотъемлемая часть статуса этой собственности, как свидетельство ее «свободы». Попытки королевской власти чаще, чем обычно, собирать единственный поземельный налог — «порадльное» — встречали в среде светских землевладельцев сопротивление, воспринимались как покушение на «свободу». В таких условиях королевская власть стремилась укрепить свои позиции с помощью расширения земель домена и повышения его доходности. В такой ситуации земельные пожалования, которые содействовали бы формированию желательной для государственной власти политической элиты, не могли иметь широкого распространения.

В русских княжествах, а затем в едином Русском государстве XV—XVI в. представление о собственности боярина или сына боярского как о собственности, свободной от налогов и повинностей в пользу государства, не сложилось. Напротив, есть основания полагать, что политическое объединение русских земель и последовавшее за этим укрепление государственной власти сопровождалось ограничением податных привилегий не только светских, но отчасти и церковных землевладельцев⁴⁴. В этих условиях у русской государственной власти имелись реальные возможности, не нанося ущерба пополнению своей казны, воздействовать на формирование политической элиты с помощью земельных пожалований на поместном праве, ослаблявших связь представителей элиты с определенной территорией и одновременно ставивших их в отношения определенной зависимости от власти, сохранявшей право верховной собственности на переданные им земли.

⁴⁴ См. об этом подробнее: Флоря Б. Н. Эволюция иммунитета светских феодалов в период образования единых Польского и Русского государств // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М., 1974. С. 312—314, 323—327; Флоря Б. Н. Податные привилегии светских феодалов в период образования единого Русского государства // Россия XV—XVIII столетий. Волгоград: СПб., 2001.